

УДК 330.34
ББК 65.291.23

Бородин Олег Игоревич,
канд. социол. наук, доцент кафедры
социологии и менеджмента
Волгоградского филиала
Российского государственного
торгово-экономического университета,
г. Волгоград,
e-mail: ibor2010@yandex.ru

Borodin Oleg Igorevitch,
Candidate of sociology, assistant professor
of the department of sociology and management
of Volgograd branch
of Russian state trade
and economic university, ,
Volgograd,
e-mail: ibor2010@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ЭТНИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

MODERNIZATION OF RUSSIAN ECONOMY: ETHNIC AND REGIONAL ASPECTS

В статье рассматриваются вопросы необходимости модернизации экономики Российской Федерации с учетом этнического разнообразия населения и особенностей развития регионов страны. Выдвигается тезис о необходимости концептуализации понятия этноэкономики в общем социально-экономическом дискурсе о реализации модернизационных процессов на территории РФ. Выдвигается гипотеза о необходимости ускорения продвижения модернизационных процессов от точек роста в регионы Российской Федерации. Раскрывается идейная системная проблема постановки задачи модернизации с учетом аспекта культуры и нравственности. Рассматриваются вопросы отношения региональных этнических элит к инновационной деятельности.

The article has reviewed the issues of the necessity for modernization of economics of the Russian Federation with consideration of the ethnic diversity of the population and the peculiarities of development of the regions of the country. The thesis about the need to conceptualize the notion of the ethnic economics in the general socio-economic discourse regarding the implementation of the modernization processes on the territory of the Russian Federation has been put forward. The hypothesis about the need to accelerate the promotion of modernization processes from the growth points to the regions of the Russian Federation has been proposed. The ideological systemic problem of setting the task of modernization with regards to the aspect of culture and morality has been revealed. The issues of the relations between the regional ethnic elites and innovation activity have been analyzed.

Ключевые слова: модернизация экономики, региональная политика, регионы, этничность, межэтнический, этноэкономика, общество, традиционное общество, административно-территориальное деление, социально-культурное разнообразие.

Keywords: modernization of the economics, regional policy, regions, ethnic, inter-ethnic, ethnic economics, society, traditional society, administrative-territorial division, socio-cultural diversity.

Обозначившийся переход развитых социальных обществ к историческому времени постмодерна заставляет по-новому рассмотреть процесс модернизации: как происходивший в прошлом, так и не завершённый для большинства обществ и сегодня. Конкретный смысл проблемы данного перехода подтверждают многочисленные исследования специфики эволюции ряда «новых индустриальных стран», которые сравнительно недавно вышли из эпохи традиционного общества. При этом необходимо отметить,

что процессы движения к современности и фактического сохранения традиционного уклада взаимосвязаны. Подобное совмещение «парадигм» развития свойственно и Российской Федерации, модернизация экономики которой, однако, продолжает обнаруживать особенности, концептуально отличающие ее от других стран.

Успех или неуспех современных обществ все больше стал зависеть от инновационного развития и инновационной активности, от применимости знаний в производстве и человеческом потенциале. Глобальная конкуренция сегодня гораздо меньше связана с государственно-национальными границами, современные технологии в основном развиваются на глобальном уровне, обычно у них нет своей родины.

Большинство государств стремятся к развитию общества знания, которое стало важным фактором конкурентоспособности. Во многих странах в настоящее время проводятся достаточно активные исследования будущих и анализ уже используемых подходов. Развитие технологий и инноваций, являющихся основой экономической модернизации и глобализации современного мира, требует изменения не только экономики, но и подходов в области права, регионоведения и этнокультуры.

В этих условиях Российской Федерации жизненно необходим быстрый переход от сырьевого к высокотехнологичному типу развития. Такой стратегический маневр требует активного участия государства и бизнеса в процессах формирования современной и эффективной инновационной системы, которая должна обеспечить необходимую конкурентоспособность, существенное повышение уровня жизни населения и увеличение человеческого капитала. В такой модели для существенного повышения конкурентоспособности национальной экономики на мировых рынках помимо серьезных инвестиций необходимо своевременное выявление технологических возможностей и угроз, определение приоритетов и поддержка потенциальных точек роста. Поэтому перед Россией со всей актуальностью стоит задача выявления перспективных научно-технологических направлений, которые должны стать основой долгосрочной инновационной политики [1]. Представляется, что их выбор должен базироваться на экспертной оценке социально-экономического эффекта новых технологий и оценке ресурсных и технологических возможностей для реализации выбранных направлений с учетом этноконфессиональной особенности российских регионов.

В России традиционное общество, с его сложившимися этническими и региональными особенностями, сословия-

ми, общинным укладом и основанной на автократии системой власти, было разрушено, а дальнейшая эволюция так и не привела к образованию политического, экономического и социокультурного порядков, которые коррелировали бы со стандартами современного общества. В результате российская система длительное время переживает столь беспрецедентные превращения, что они далеко не всегда вписываются в различные «классические» модели модернизации. Следовательно, любая попытка изучения российских модернизационных процессов требует нового обращения к общей теории модернизации для переосмысления и развития некоторых ее положений, с целью расширения ее эвристического потенциала.

Известно, что теория модернизации складывалась в 50–60-е годы XX века как одна из теорий общественно-исторического развития, согласованная с парадигмой прогрессивных изменений. На современном глобализационном этапе развития под модернизацией понимаются в том числе синхронизированные глубинные преобразования в экономической и ценностно-этнической системах общества, происходящие вследствие промышленной, демократической и образовательной революций. При анализе структурных изменений, происходящих при состоянии перехода от традиционного к современному обществу, специфика социально-экономических трансформаций связывается с проблемами изменения личностных черт человека, его представлений, ценностей, ориентаций и способа взаимодействия с социумом.

Для Российской Федерации, в отличие от других стран, особенно характерна существенная дифференциация регионов по большинству социально-экономических показателей. Данная тенденция во многом объясняется природно-климатическими условиями, разнонаправленными векторами хозяйственного освоения территории страны. Субъекты Российской Федерации неоднородны как по уровню развития хозяйственной культуры проживающих в регионах этнических обществ, так и по степени развития региональных хозяйственно-автохтонных систем [2].

Считаем, что неэффективность экономической политики, проводимой государством в полиэтничных регионах, обусловлена в первую очередь общей недооценкой роли этноэкономики в реализации модернизационных преобразований.

Напомним, что абсолютное большинство регионов России полиэтнично, и для них этноэкономика, под которой мы понимаем территориально-локализованный, исторически сложившийся на базе хозяйственного уклада этноса сегмент экономики, характеризуемый преобладанием традиционных форм хозяйственной деятельности, натуральных и мелкотоварных форм производства, с доминированием ручного труда, неразвитостью обмена, замкнутостью домохозяйств, использованием кустарных ремесел и надомного труда, определяет развитие всего экономика-хозяйственного комплекса.

В то же время неотрадиционный подход, обусловленный адаптационными способностями этноэкономики в условиях ее включения в глобальные воспроизводственные процессы, позволяет говорить о ней как об одном из ключевых конкурентных преимуществ России.

Масштабная непопулярность во многих регионах предложенных модернизационных реформ, отсутствие последовательной региональной политики в значительной мере дискредитировали саму идею проведения инноваций и в определенной степени заставили местные политические

элиты вернуться к традиционно сложившимся ценностям этноэкономики. Данные процессы стимулировали развитие тенденций региональной идентификации и социально-экономического позиционирования различных этносов. Поэтому успешной в регионах РФ может стать только такая взвешенная экономическая политика, которая будет способна объединить в единое целое корпоративный сектор этноэкономики с ее традиционным сектором, обосновать и реализовать механизмы их взаимодействия, органически «вмонтировать» мелкотоварные формы труда и производства в развивающуюся на корпоративной основе современную предпринимательскую деятельность.

Еще раз отметим, что необудительность модернизационных изменений на территории полиэтничных регионов объясняется, во-первых, определенным естественным отторжением данного сегмента экономики, а во-вторых, заблуждениями в реальной оценке роли этноэкономики в экономической жизни.

Существенная часть населения как национальных республик, так и полиэтничных регионов страны до настоящего времени тяготеет к использованию традиционных этнических форм хозяйствования, развивается этносоциальная клановая зависимость, не позволяющая внедрять на должном уровне современные экономические решения. Практически в любом конфликте на этнической основе возможно определить четкий экономический аспект.

Кроме того, необходимо отметить следующее. Вопрос о характере конструктивных взаимоотношений между центром и регионами является для России, как для любой территориально протяженной страны, одним из ключевых. Экономика практически каждого из субъектов РФ характеризуется определенной самобытностью, которая придает ей особые стратегические преимущества. Однако для того, чтобы потенциальные выгоды территориальной конкуренции реализовались на практике, государству необходимо выработать и обеспечить неукоснительное исполнение «правил игры».

Модель регионального российского взаимодействия функционирует по схеме «центр – провинция», где центр выступает создателем и «локомотивом» инноваций, а провинция-регионы неравномерно и крайне медленно их используют в своей деятельности.

Обозначим еще один аспект рассматриваемой проблематики. Определенная проблема модернизации экономики в России – это крайне медленное и бессистемное расширение зон ускоренного роста от столицы вглубь страны, в развитые регионы Поволжья, Урала и Сибири. Особое внимание должно быть уделено недостаточно инверсионному развитию регионов Центральной России, собственные экономические возможности которых явно потенциально недостаточны для инновационного развития. Центральные регионы, по мнению большинства независимых экспертов, более других нуждаются в существенном улучшении институциональной среды и активизации местного этнического сообщества.

Основной целью инновационного развития является не самодостаточное создание как можно большего количества новых технологий, идей, продуктов, а адекватное восприятие их населением. Стратегические инновации только тогда становятся таковыми, когда они реально применимы и используются в жизни. Следовательно, вопрос действенного использования научных технологий в целях развития местных сообществ – задача исключительно местной и региональной власти.

Еще одна особенность российской модернизации состоит в исключительной, в сравнении с другими цивилизационными ареалами, роли государства в инициировании, определении направленности и осуществлении модернизационного процесса на всех его стадиях. Разумеется, государство играет весьма активную роль в модернизации любого общества, являясь ее проводником и своеобразным гарантом. Однако в России государство настолько жестко контролирует процесс модернизации, что он предстает как цепь своеобразных «революций сверху», которые осуществляются зачастую силовыми методами и вопреки устремлениям структур гражданского общества. В результате успешное реформирование одних сфер общественной жизни зачастую сопряжено с застоём или даже упадком других.

Кроме того, монополия государства на осуществление модернизационного процесса оборачивается еще одним обстоятельством весьма негативного свойства. Модернизация посредством «революции сверху» не учитывает социокультурную, этническую специфику страны (особенно регионов), рассматривая некоторые ее характеристики как подлежащий упразднению анахронизм, а внедряемые насильственно «западные» элементы современности деформируют российскую системную целостность [3]. В модернизационных усилиях государства общество, хозяйственный строй, региональные особенности, этнические традиции постоянно выступают исключительно в качестве объекта преобразования, но никогда в качестве его опоры или стимула к развитию. К сожалению, их активный потенциал оказывается невостребованным. Накопленные за предшествующий период культурно-этнические и экономические силы общества отрицаются как ненужные, отжившие, негодные для дела обновления. Из-за неразвитости гражданского общества и исключительной роли государства в России широкие общественные преобразования постоянно подменяются либо модернизацией самого государства, либо только тех сфер, к которым оно имеет непосредственное отношение: военной мощи, бюрократического аппарата, репрессивных органов, государственного сектора экономики и т. п. В итоге задачи форсированной военно-индустриальной модернизации, усиления державного могущества часто решаются за счет контрмодернизации и даже частичной «архаизации» общества как такового, которое впадает в состояние стагнации. Игнорирование этих разнонаправленных тенденций в российском модернизационном процессе, как нам представляется, существенно затрудняет его осмысление.

В данном контексте особо примечателен опыт проведения модернизации в Китае. К концу 70-х годов XX века в КНР социально-экономические преобразования эпохи «культурной революции» привели к снижению жизненного уровня основных слоев населения страны. Начало модернизационным реформам было положено на III Пленуме ЦК КПК в 1978 году. Целью экономической и общественной модернизации было провозглашено превращение страны в государство с современными промышленным и сельскохозяйственным производством, наукой, культурой, сферой услуг, а также с высоким уровнем жизни населения.

Руководство КПК и КНР под модернизацией понимало в первую очередь, конечно, экономическое обновление страны. Тем не менее было четкое понимание того, что модернизация, направленная на использование новых технологий в различных сферах материального производства, расширение потребления и создание социальных, политических и культурных условий для развития производства, в то же время вызывает глобальные изменения и в иных

сферах – культуре, национальных отношениях и т. п. Политическая элита Китая, считая, что современная взвешенная национальная политика является ключевым элементом модернизации, без которой невозможно достижение социального прогресса в государстве, смогло ограничить «встроить» ее в процесс обновления страны [4].

Прогрессивные положения, касавшиеся разрешения национального вопроса, были утверждены в «Решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятом на VI Пленуме ЦК КПК XI созыва в 1981 году. В принятых документах особо подчеркивалась необходимость совершенствования реализации национальной политики и предоставления прав автономии неханьским национальностям как основного элемента модернизации страны. Также важной вехой в развитии модернизации Китая стал состоявшийся в сентябре 1982 года XII Всекитайский съезд КПК. В докладе генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан подтвердил принятые еще на VIII съезде КПК принципы национальной политики. Главным положением доклада являлась оценка национальных проблем как стратегического вопроса, затрагивающего «судьбу всего государства». В ходе проведения XIII Всекитайского съезда КПК (1987 год) положение о стратегической важности национального вопроса при проведении социально-экономической модернизации государства было дополнено положением, в котором при определении генеральной линии партии отмечалось, что «требуется вести и сплачивать многонациональный народ Китая на борьбу за то, чтобы <...> превратить нашу страну в богатое, могучее, демократическое и цивилизованное современное социалистическое государство». Таким образом, был логично связан вопрос о единстве национальностей с проблемой достижения процветания страны. Определенное внимание в докладе было также уделено вопросам регионального развития страны. В частности, Чжао Цзяян отметил необходимость поэтапного развития экономики КНР: особое внимание уделить в первую очередь развитию восточных, приморских регионов «и в то же время постепенно форсировать освоение центральных и западных», в основном национальных районов Китая. Этот тезис был дополнен следующим положением, непосредственно касавшимся неханьских национальностей: «надо оказывать необходимую поддержку национальным и бедным районам <...> разрабатывать хозяйственную политику, соответствующую реальному положению этих районов, придать динамичность их развитию и тем самым способствовать экономическому процветанию». Таким образом, Чжао Цзяян акцентированно обратил внимание на зависимость модернизации страны от социально-экономического развития национальных районов, а также от последовательного реформирования регионов.

Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь на XIV и XV съездах КПК (12 октября 1992 года, 12 сентября 1997 года) окончательно определил, что лишь в обстановке сплочения национальностей и единства государства можно «создать прочную гарантию дела социалистической модернизации и политики реформ и открытости» [5].

Таким образом, самая успешная модернизационная стратегия XX века базировалась на постулате о том, что эффективность социальной мобилизации, реальное объединение многонационального народа для решения стратегических задач, особенно на первых этапах, гораздо более важная задача, чем собственно выработка и реализация экономических планов. А реальная широкомасштабная социальная консолидация возможна только в том случае,

когда стратегическая программа руководства воспринимается как «общее дело».

Вопрос социальной консолидации большинства населения в поддержку стратегии модернизации – это не вопрос «хочу или не хочу», а вопрос конечной результативности и эффективности выбранного курса. Следовательно, оказывается, что темпы социальной модернизации должны соответствовать или даже опережать скорость экономической трансформации.

В то же время необходимо акцентировать внимание на том, что идеология модернизации особенно важна для регионального (и даже муниципального) уровня власти, с которым больше всего непосредственно контактирует многонациональный народ РФ, в частности для экономически отсталых национальных образований Северного Кавказа и регионов Дальнего Востока. Именно местные власти, население должны ясно представлять себе, почему они не могут обойтись без предлагаемых социально-экономических преобразований, почему долгосрочные федеральные программы развития вышеуказанных регионов необходимо успешно осуществить. Ведь никакая стратегия развития не будет успешно реализована, если в ее осуществлении не будут участвовать и не будут ее контролировать основные слои населения.

Очень важной проблемой модернизации общества является исходное качественное состояние системы, ее способность менять собственные пропорции и готовность членов к таким изменениям. Необходимо отметить, что низкое нравственное содержание человеческого капитала становится тормозом развития и главным препятствием реализации различных правительственных программ в сфере инновационной экономики [6].

Обобщая, необходимо отметить, что в России, к сожалению, существует системная проблема правильной постановки задачи модернизации. Причем аспект культуры и нравственности здесь не стоит сбрасывать со счетов. К сожалению, для значительной части экономической и административной элиты РФ модернизация – это просто совокупность программ, позволяющих получить «дешевое» финансирование из государственного бюджета или от «карманных» государственных кредитных организаций. Российская модернизация является экзогенной, так как обусловлена давлением внешних факторов, а не внутренней потребностью региональных элит, полиэтничного общества РФ в структурных изменениях.

Модернизация подразумевает отказ от любых представлений об «особом пути» страны, хотя и предполагает интеграцию некоторых традиционных для данного социума ценностей и представлений, связанных в первую очередь с этническими особенностями культуры и региональным потребительским поведением граждан.

Современное понимание модернизации как прежде всего смены поколений технологий (технологического прорыва) не вполне продуктивно, поскольку вопрос о технологическом развитии упирается в вопрос о существовании общественной среды, способной к воспроизводству, внедрению и использованию технологий. Техника и каждый наблюдаемый в истории технологический уклад есть в своей основе социальное явление. Поэтому, сколь бы ни была важна технологическая модернизация, главным предметом модернизационной концепции является само общество.

При переходе к современной модели социализации, точнее, по мере ее успешной экспансии на многонацио-

нальное население модернизирующейся страны, в рамках последней формируется нация как культурно однородное и солидарное сообщество. Соответственно с технической точки зрения процесс модернизации общества может быть понят как процесс построения базовых систем социализации, представляющих собой инфраструктурный каркас современного общества.

Такое понимание модернизации позволяет расставить акценты в дискуссии о балансе между государством и гражданским обществом, централизацией и частной инициативой в модернизационном процессе. Сложность общества модерна такова, что раскрытие конструктивного потенциала частной инициативы в нем возможно только на базе широкой, комплексной инфраструктуры социализации и социального взаимодействия, выстроенной и поддерживаемой современным государством. В том случае, если эта инфраструктура работает относительно исправно, гражданское общество склонно не замечать ее, как человек не замечает воздух, которым дышит. В том случае, если она неисправна, больным оказывается не только само государство, но и общество во всех его сегментах.

Необходимо отметить, что в начале XX века Россия стояла на пороге общества модерна и современного национального государства. В данном контексте это означает, что она сформировала базовые шаблоны современной социализации, но не успела распространить их на все общество, то есть полностью «ассимилировать» собственное общество в состояние модерна (можно сказать, ассимилировать традиционное общество в нацию). Однако на пути этого процесса стояло одно серьезное противоречие на национальной основе. Это противоречие между русской культурной основой сформированных моделей социализации (российская модернизация, как и все успешные европейские модернизации Нового времени, имела выраженную национальную основу) и интересами крупных и многочисленных периферийных регионов империи, некоторые из которых (Финляндия, Польша) имели собственные национальные модели модернизации, другие же (Средняя Азия, Закавказье) не имели таковых вовсе; однако и те и другие решительно противодействовали ассимиляции, каковая была равнозначна модернизации в условиях Российской Империи.

Россия во многих аспектах своей жизнедеятельности отличается от территориально компактных, структурно и функционально развитых обществ Запада. Повторим еще раз, что помимо трансконтинентальных размеров страны на траекторию модернизации постоянно влияли такие факторы, как: устойчивость доиндустриальной системы стратификации общества и олицетворявших ее социально-институциональных связей (прежде всего крепостного права); «стационарность» политических структур патриархального государства, их моноцентрический характер; доминирование патриархальных и коллективистских ориентаций общественного сознания и мотиваций социальной активности; слабая выраженность секуляристских ценностей в политической культуре [7].

Также существенно, что российское общество не испытало таких фундаментальных духовно-интеллектуальных переворотов, каковыми на Западе были Ренессанс, Реформация, а также движения за права человека, заложившие основы рационалистических форм хозяйственной деятельности и современной системы политического представительства. Помимо этого некоторые сегменты социальной структуры постсоветской России обладают специфическими чертами,

возникшими в результате сложнейшего взаимодействия историко-психологических, этнических, демографических и культурно-религиозных факторов.

Постсоветский период характеризуется созданием в РФ рыночной экономики. Важное место в экономическом пространстве страны стал при этом занимать частный бизнес. Однако целый ряд связанных с ним проблем остается недостаточно исследованным. Вне сферы внимания ученых остаются социокультурные особенности слоя предпринимателей, недостаточно исследованными являются экономические ориентации и стратегии предпринимателей, влияние на все вышеперечисленное фактора этничности, играющего немаловажную роль в условиях полиэтничной страны.

Исходя из того, что различные аспекты культуры, одним из которых является и этничность, формируют хозяйственные институты и процессы, а также определенным образом могут влиять на экономические практики, необходимо выделение совокупности латентно существующих в контексте экономической деятельности ценностей традиционной этнической культуры, которые могут оказывать амбивалентное воздействие на реальные экономические практики хозяйствующих субъектов, выяснение роли и значимости этничности в определении форм и содержания экономической деятельности населения. Таким образом, необходимо установление соотношения и степени взаимовлияния между экономическими практиками населения и этничностью как важным элементом, структурирующим социальное пространство.

Основой возникающих социально-экономических связей, отношений и сетей, которые уже постфактум могут определяться в этнических терминах, становится не эксплицитно выражаемая этничность, а реально существующие задолго до момента включения в экономическую деятельность дружеские и родственные отношения в границах своей этнической группы. Эти сети и их реализация в сфере бизнеса, возможно, могут становиться определяющими для общей картины локальных групп предпринимателей и конституировать модели и стратегии рыночных отношений и взаимодействий. Часто при определении сферы коммерческой и экономической деятельности и стратегий развития бизнеса не менее важным становятся мотивы и причины, обуславливаемые историко-культурными основаниями. Таким образом, этничность существует как своего рода передаваемая от поколения к поколению привычка, от которой мы не в состоянии отказаться, но в которую мы можем вносить модернизационные элементы.

Модернизация России должна быть основана на консервативных ценностях. Это патриотизм, семейные ценности, историческая память, уважение к традициям, здоровая

и растущая нация, гарантии частной собственности, уважение к закону. Это согласие между людьми разных национальностей и конфессий, чувство ответственности за свою судьбу, свою семью, чувство ответственности за будущее своей страны. Россия – это Россия, а не Китай, не Америка, не Сингапур. Нам нужна своя модель модернизации уже по той причине, что мы не можем взять чужую модель «под ключ», даже если этого кому-нибудь в обществе и хотелось бы. Россия – уникальная страна, и никто, кроме нас самих, не сможет выработать систему решений, которая отвечала бы нашим национальным интересам. Полностью повторить чужой опыт невозможно, хотя мы, безусловно, можем заимствовать конкретные инструменты экономического развития, но при этом нужна последовательная государственная политика, направленная на сохранение наших традиций и истории.

Мы в целом согласны с позициями Д. Норта, который аргументированно доказал, что необходимость учета нематериального (трансцендентного) фактора модернизации российской экономики связана с постоянно возникающими новыми изменениями. В своем труде «Понимание процесса экономических изменений» автор подчеркнул, что современная экономика по своей природе является неэргодической [8]. В этих условиях вероятность снижения уровня неопределенности зависит не только от рациональных убеждений и накопленного опыта, а в основном от иррационального поведения участников.

Турбулентная макроэкономика с учетом глобальных интеллектуальных, природных и социально-политических изменений, начало которым было положено в двадцатом столетии, характеризует крайнюю неустойчивость внутренней и внешней среды процесса модернизации российской экономики. Решающее влияние на ее развитие могут оказывать далеко не экономические факторы. Потенциальные направления определяются множеством сил, способных реализовать свои интересы.

Несомненно, модернизация стала сегодня ключевым термином дня, главным словом эпохи. Аналогичную роль 20 лет назад играло слово «демократия». Модернизация сейчас, как демократия тогда, должна, согласно распространенным представлениям, вывести нашу страну к ее новым историческим рубежам. В то же время единого понимания модернизации в российском обществе нет. И очень важно, чтобы «модернизацию» сегодня не постигла та же участь, что «демократию» на рубеже XX–XXI веков, то есть чтобы это понятие не было выхолощено, дискредитировано и не превратилось в свое отрицание.

Таким образом, вопрос модернизации России нельзя рассматривать в отрыве от социально-культурных, этнических и региональных особенностей нашего государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Филоненко И. «Делайте российское – покупайте российское!» // Business excellence = Деловое совершенство. 2012. № 1. С. 36–37.
2. Володин А. Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Полис. 2000. № 3. С. 104–116.
3. Батукова Л. Р. Модернизация: основные аспекты формирования модернизационного проекта. Роль государства как основного координатора проекта // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 10. С. 8–13.
4. Титаренко М. Л. Модернизация Китая: шансы и вызовы времени: тезисы. М.: ИДВ РАН, 2000. 26 с.
5. Цзян Цзэминь О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли, 2004. Т. 2–3.
6. Зелинская В. А., Колесник М. В., Хашева З. М. Кризис, регионы и концепция четырех «И» // Российское предпринимательство. 2010. № 1. С. 157–160.
7. Федерализм и этническое разнообразие в России / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманна-Грюдера. М: РОССПЭН, 2010. 216 с.

8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом Гу-ВШЭ, 2010. 256 с.

9. Морозова Н. И. Эволюция общества в сторону накопления элементов социализации – ведущая тенденция современного общественно-экономического развития // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011. № 1 (14). С. 64–69.

REFERENCES

1. Filonenko I. «Do Russian – buy Russian!» // Business excellence = Business Excellence. 2012. # 1. P. 36–37.
2. Volodin A. G. Civil society and the modernization of Russia. The origins and contemporary perspective // Polis. 2000. # 3. P. 104–116.
3. Batukova L. R. Modernization: The main aspects of the formation of the modernization project. The role of the state as the main coordinator of the project // National interests priorities and safety. 2011. # 10. P. 8–13.
4. Titarenko M. L. Modernization of China: Opportunities and challenges: theses. Moscow: RAS IFES, 2000. 26 p.
5. Jiang Zemin. On Socialism with Chinese characteristics. Moscow: Monuments of historical thought, 2004. V. 2–3.
6. Zielinska V. A., Kolesnik M. V., Khashev Z. M. Crisis, regions and the concept of the four «I» // Russian entrepreneurship. 2010. # 1. P. 157–160.
7. Federalism and ethnic diversity in Russia / edited by I. Busygina and A. Haynemann-Gryuder. M.: ROSSPEN, 2010. 216 p.
8. North D. Understanding the process of economic change / Translation from English by K. Martynov, N. Edelman. M.: Publishing house of Gu-HSE, 2010. 256 p.
9. Morozova N. I. Evolution of the society towards accumulation of the socialization components is the leading trend of the contemporary public-economic development // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2011. # 1 (14). P. 64–69.

УДК 338.2

ББК 65.050.17

Солод Татьяна Валерьевна,

канд. экон. наук, доцент Ростовского государственного университета путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: tsld@rambler.ru

Solod Tatyana Valeryevna,

Candidate of economics, assistant professor
of Rostov state university of the railway tracks,
Rostov-on-Don,
e-mail: tsld@rambler.ru

ЭФФЕКТИВНАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

EFFECTIVE MIGRATION POLICY AS ONE OF FACTORS OF ENSURING ECONOMIC SAFETY OF THE COUNTRIES OF THE WORLD ECONOMICS

В силу развития глобализационных процессов, способствующих открытию границ между государствами, увеличились миграционные потоки между государствами. В некоторых случаях объемы миграции носят незначительные показатели и не могут нести угрозу, а в некоторых наносят прямой ущерб экономической безопасности, соответственно послабления в миграционной политике могут привести к существенному экономическому ущербу для народнохозяйственной системы страны. В ситуации России, стремящейся интегрироваться в мировое хозяйство и стабилизировать развитие экономической системы, вопросы изучения миграционных потоков и их роли в системе экономической безопасности приобретают особый смысл.

Owing to development of globalization processes promoting opening of the borders between the states, the migration streams between the states have increased. In certain cases the volumes of migration is insignificant and can't bear threat; however, in some cases they cause direct damage of the economic safety; indulgencies in migration policy can lead to significant economic damage of the national economic system of the country accordingly. As for Russia, seeking to be integrated into the world economy and to stabilize development of the economic system,

the issues of studying the migration streams and their role in the system of economic safety get the special sense.

Ключевые слова: экономическая безопасность, миграция, миграция рабочей силы, депопуляция, миграционная политика, кризис, угрозы экономической безопасности, государственное регулирование рынка рабочей силы, нелегальная миграция, теневая экономика, миграционные потоки.

Keywords: economic safety, migration, migration of labor forces, depopulation, migration policy, crisis, threats to economic safety, state regulation of the labor market, illegal migration, shadow economy, migration streams.

Свободное перемещение между странами – явление не новое, а в условиях глобализационного развития мирового хозяйства, скорее, закономерное. Из года в год миграционные потоки в Россию и из нее набирают все большие обороты, увеличиваясь в разы, и здесь уместно говорить не только об «утечке мозгов», но и об отъезде специалистов трудовых специальностей. Согласно рейтингу Всемирного Банка, Россия находится на втором месте среди самых привлекательных стран для мигрантов (после США и пе-